

ШАХ АББАС В ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ ОСЕТИН

Ф. М. Таказов
М. Абдоллахи

В устном народном творчестве осетин сохранились исторические предания о вторжении на территорию Осетии войск шаха Ирана. К моменту вторжения войск, Осетия не представляла собой государственного образования, хотя и не входило в состав какого-либо другого государства. Осетия была разделена на отдельные общества, управлявшиеся через народные собрания. По историческим преданиям, шахские войска вторглись в Осетию с двух направлений. Одна группа перешла через Крестовый перевал и, двигаясь через Даргавское и Куртатинское ущелья, направилась в Алагирское ущелье. Вторая группа перешла через Мамисонский перевал и, двигаясь по Мамисонскому и Алагирскому ущельям, направилась в сторону Урсдонской крепости, где воссоединились в первой группой войск. В группе, которая двигалась по Даргавскому и Куртатинскому ущельям, были колесные обозы. Так как в те времена в Осетии не было колесных дорог, то шахские войска строили, по пути продвижения, дороги. Остатки той дороги сохранилась до настоящего времени, называемая в народе «шахская дорога» («сахнад»).

Ключевые слова: Иран, Осетия, Северный Кавказ, шах Аббас, фольклор, исторические предания, «шахская дорога».

Правивший в 1587-1629 гг. шах Аббас Великий, которого летописи называли Лев Ирана, оставил заметный след в памяти народов Северного Кавказа, в том числе и осетин.

Осетины, занимающие Центральный Кавказ, живут по обе стороны Кавказского хребта. По языку осетины относятся к северо-восточной подгруппе иранской группы индоевропейских языков. До XVIII столетия осетины являлись бесписьменным народом, однако многие исторические события сохранились в устных преданиях.

Институт сказительства и связанная с ним жанровая динамика (исторические предания, историко-песенный фольклор) был широко распространен в Осетии [1, 67], что позволило сохранить предания трехсотлетней давности. Исторические события, которые оказывались в орбите устного народного творчества, спустя столетия начинали мифологизироваться, превращаясь в сказочные сюжеты. Однако об их исторической подоплеке свиде-

тельствуют топонимические названия. Так, например, в сказке о «Згидской Красавице» повествуется о чудесной бусине, с помощью которой была оживлена Згидская Красавица. Весть о белой бусине дошла до персидского шаха, он шлет войска. Землю Згида, там, где упала бусина, просеяли ситом, но бусину не нашли. Место, где войска просеяли землю, назвали «Просеянные» [2, 82].

О вторжении шахских войск в Осетию есть предания, относящиеся к древним временам, в результате чего они стали более абстрактными, нежели конкретными историческими фактами.

В сюжете «О пришествии в Дигорию Ахсак-Темур» (так осетины называли эмира Тимур-ленга) рассказывается о том, что некогда шах вторгся на Северный Кавказ, подчинил себе всю равнину, затем вторгся в Дигорию и расположился со своим войском в окрестностях селения Ахсау в Дигорском ущелье. Однако он не решился штурмовать крепостные стены села и направился в сторону кре-

пости Камунта, находящиеся в 20 км от Ахсау. Войска шаха направились к башне, возвышавшейся в Камунта, но под войском обрушился мост и часть войск погибла. Наступила зима, и шах вынужден был уйти с остатками своего войска из Дигории в Грузию через перевал. На месте стоянки шахских войск возле Ахсау, по преданиям, вырос грушевый лес, так как перед приходом в горы кони персов наелись на равнине груш. Последовавшее нашествие среднеазиатского эмира Тимура в Дигорию предания связывают с тем, что он, узнав о поражении шаха, собрал огромное войско и прибыл с ними в Ахсау [3, 136-138].

Бесспорно, не только события, связанные с вторжением шахских войск на Северный Кавказ, но и нашествие войск эмира Тимура, произошедшее в более ранний период, наслоились друг на друга и мифологизировались из-за давности, в результате чего в исторические предания о Тимуре вплелись сказочные элементы.

Иначе рассказываются и воспринимаются слушателями предания о вторжении шахских войск в Осетию в XVII в.

По историческим преданиям, шахские войска вторглись в Осетию с двух направлений. Одна группа перешла через Крестовый перевал и, двигаясь через Даргавское и Куртатинское ущелья, направилась в Алагирское ущелье. Вторая группа перешла через Мамисонский перевал и, двигаясь по Мамисонскому и Алагирскому ущельям, направилась в сторону Урсдонской крепости, где воссоединилась с первой группой войск.

Примечателен тот факт, что во всех преданиях вторгшиеся войска называются «шахскими», но нет ни одного упоминания об их этническом происхождении.

Между шахскими войсками и местным населением произошли боевые столкновения. Войска шаха безуспешно штурмовали Дзивгисскую крепость

в Куртатинском ущелье. После того как шахское войско вторглось в Куртатинское ущелье, население ущелья укрылось в Дзивгисской крепости. Эта крепость расположена в начале Куртатинского ущелья у подножия Скалистого хребта. Крепость прикрывала огромную пещеру, что позволяло укрыться за стенами крепости большому числу людей.

Шахское войско безуспешно обстреливало крепость пушками. Крепость, несмотря на повреждения, устояла. Тогда солдаты стали сбрасывать со скалы на крепость сухой хворост и подожгли его, надеясь выкурить защитников таким образом. Однако люди зашли в глубину пещеры и дым не доходил до них [4, 122].

В одном из вариантов предания о штурме Дзивгисской крепости шахскими войсками титул «шах» (по-осетински – *сах*) воспринимается как этноним или название государства:

*«Сахы паддзах, зæгъы, куы бабырста
Куырттаты коммæ, уæд Дзывгъисы хъæу
бацыдысты ацы лæгæты æмæ йыл уыцы
фидæрттæй тох самадтой. Сахы пад-
дзах йæ сармадзантаæ Дзывгъисы баком-
коммæ Цуды бæрзондыл æрывæрдта æмæ
сæ уырдыгæй æхсын райдыдта. Сармад-
зантæй фæкалдта Дзывгъисы фидæрт-
тæй иуæй-иу рæтты, фæлæ уæддæр
ирон адаем сæхи нæ лæвæрдтой знагæн».*
– «Когда, мол, царь Шахов (осетинский титул *паддзах* восходит к иранскому *пидишах* и означает «царь», «государь», «пидишах». – Ф. Т.) вторгся в Куртатинское ущелье, то жители Дзивгиса вошли в это ущелье и из той крепости стали сражаться. Царь Шахов установил свои пушки напротив Дзивгиса на вершине Цуда и начал их обстреливать оттуда. Пушками разрушил некоторые части Дзивгисской крепости, но осетины все равно не сдавались врагу» [5, 242].

Не добившись никакого успеха, шахское войско направилось в сторону Алагирского ущелья.

Перейдя в ущелье, войско шаха расположилось в окрестностях крепости Урсдона, расположенной на неприступных склонах Скалистого хребта. Не решившись штурмовать эту крепость, войско стало атаковать крепостные сооружения селения Цамад, находящегося в 3 км от Урсдона. После долгой обороны у защитников Цамада закончились боеприпасы и они стали бросать камни на головы штурмующих. Шахские воины поднимали над головой щиты из плетня, однако защитники сбрасывали их с помощью специальных крюков, обрушив камни на головы нападавших. Тогда воины шаха перестали штурмовать крепость, поднялись на возвышенность, на которой и поныне находится святилище Аларды, и направили оттуда в сторону защитников Цамада большие зеркала. Солнечные лучи, отраженные зеркалами, подожгли сооружения цамадцев. Загорелись крыши башен и крепостные ворота. Люди, испугавшись, подняли белый флаг и сдались. Многие были казнены, а многих цамадцев захватили с собой («Битва Цамада и шахских войск») [6, 558-559].

Из Цамада войска шаха направились в сторону села Архон. Недалеко от Архона рос лес. Войска расположились на отдых в тени деревьев. Население Архона приготовились к защите. Несколько архонцев вышли на разведку, чтоб проследить за передвижением и действиями войска. Увидев, что воины отдыхают в лесу, они подожгли лес с трех сторон. Многие воины сгорели в лесу, остальные бежали оттуда. Соединившись с группой, перешедшей в Осетию через Мамисонский перевал, шахское войско направились в Дигорское ущелье.

Исторические предания Дигории довольно подробно освещают этот поход.

Из Алагирского ущелья шахское войско попало в Дигорское ущелье через Згидский перевал и осадило два хорошо укрепленных села – Галиат и Камунта.

Шаху не удавалось сломить сопротивление осажденных. Тогда он предложил жителям Камунта перейти на его сторону и показать ему слабые стороны галиатцев. Он пообещал камунтовцам сохранить их имущество и свободу.

Камунтовцы пошли на хитрость, указав на слабую сторону галиатцев: если воины шаха пустят в окрестностях Галиата осла, предварительно накормив его солью, то они смогут обнаружить трубу, по которой защитники Галиата получают воду. Воины шаха так и поступили: пустили осла, и тот, мучимый жаждой, начал рыть копытами обнаруженную им трубу. Галиатцы, лишившись воды, вынуждены были покинуть свою крепость и ночью перешли через горный хребет в Камунта. Объединившись с жителями села, они напали на шахские войска, и те, не ожидавшие такого поворота событий, вынуждены были бежать [4, 123].

В одном из вариантов, записанных в конце XIX в. русским ученым В. Ф. Миллером, говорится, что галиатцы, после того как воины шаха обнаружили и перебили водопровод защитников, были вынуждены сдаться [7, 140-141]. Однако отсутствие сведений о жертвах, которые были бы неминуемы после сдачи, подобно тому, как это произошло в Цамаде Алагирского ущелья, скорее всего, указывает на то, что жителям Галиата удалось покинуть укрепление.

Из Галиата шахские войска дошли до Задалеска и почему-то осадили замок рода Седанати, возвышавшийся над Задалеском на высокой неприступной скале. Замок выполнял функции охраны перевальной дороги из горной Дигории на равнину. Возможно, по этой причине шахское войско хотело взять под контроль единственную дорогу на равнину.

Осада длилась, по преданиям, около трех месяцев. За это время у защитников замка закончились съестные припасы. Седановы вынуждены были ночью по ве-

ревкам опустить со скалы трех своих сестер, которые пробирались в села Дигории, собирали провизию, а ночью братья поднимали их таким же способом. Однако воины шаха заметили их, поймали и распяли на камнях таким образом, чтобы они были видны защитникам замка. Заметив убитых сестер, братья Седановы хотели спуститься и дать воинам шаха бой, но отец не разрешил и потребовал, чтобы они стреляли туда же, куда он стреляет. Братья Седановы, вслед за отцом, стали стрелять в одну точку на отвесной скале напротив замка. Шахские воины обрадовались, что защитники сошли с ума, однако через некоторое время скала вдруг задрожала, и произошел обвал, похоронивший многих воинов. Остальные в панике бежали и через Гивонский перевал ушли в Грузию. В окрестностях же Задалеска до сих пор стоят высокие каменные менгиры, под которыми похоронены три сестры рода Седанати [4, 125].

По фольклорным текстам неизвестна численность войск, остались загадкой и намерения вторгшихся.

Отсутствие у осетин в те далекие времена письменности не позволяет определить хронологические рамки описываемых в преданиях событий. Однако из истории известно, что потенциальными инициаторами вторжения могли быть шах Аббас I или шах Надир. Хотя Ш. Ф. Джикаев, анализируя сюжет «Предание о том, как сражался шах в Галиате», предположил, что под титулом «шах» в осетинском предании может скрываться как шах Аббас, вторгшийся в 1613 и 1616 гг. в Грузию, так и шах Ага-Мохаммед-хан Каджар, вторгшийся в Грузию в 1795 году [4, 243].

Но маловероятно, что предания рассказывают об Ага-Мохаммед-хане, так как в этот период (с 1774 г.) Северная Осетия уже входила в состав Российской империи и все перевальные дороги контролировались русскими. Даже если

русские по каким-либо причинам могли закрыть глаза на вторжение персидских войск в Осетию, оно не могло не быть зафиксировано в официальных документах. А факт вторжения в 1613-1616 гг. шаха Аббаса в Осетию мог остаться незамеченным русскими, так как в то время Осетия еще не входила в сферу интересов Русского государства.

Косвенным доказательством того, что подразумеваемый в преданиях шах восходит к более отдаленному периоду, чем конец XVIII в., могут служить некоторые детали в сюжете про Галиатцев. В частности, в предании говорится об осле, с помощью которого, якобы, воинам шаха удается обнаружить водопровод, по которому защитники крепости получают воду. Данный мотив нередко встречается и в других преданиях, в которых участниками событий являются то крымские ханы, то кабардинские князья. Такой прием зачастую служит для оправдания падения крепости или башни перед неприятелем или же для указания на предательство своих сородичей. Как правило, подобный прием используется в преданиях, хронологические рамки которых для сказителей оказываются неопределенными. К такому неопределенному времени не могло относиться вторжение Ага-Мохаммед-хана Каджар а в Грузию в 1795 г.

Потому более вероятно, что этим шахом мог быть Аббас I. Именно шах Аббас совершил поход на Северный Кавказ (за пределы Дагестана), уничтоживший в середине XVII в. русский форпост – Сунженский острог.

Шах Аббас, после заключения в 1590 г. разорительного договора с османами, известного как Стамбульский мирный договор, в 1601 г. возобновил войну с Османской империей с целью возврата земель, отошедших туркам по договору. В результате продлившейся 10 лет войны (1603-1612 гг.) шаху Аббасу I удалось от-

бить у османов утраченные земли и восстановить иранские владения в границах 1555 г. [8, 68]

В 1614 г. шах Аббас предпринял попытку завоевания территории Грузии. Внутренние распри начала XVI в. привели к тому, что Грузия окончательно распалась на три независимых царства: Имеретинское, Картлийское и Кахетинское, а также на несколько княжеств – Гурия, Мегрелия, Абхазия и др., – причем царская центральная власть в этих княжествах была представлена лишь номинально. Внутри каждого из грузинских государств происходили бесконечные стычки между отдельными партиями правящих феодалов, что сделало политическую обстановку здесь еще более нестабильной. Что касается Армении, то в этот период (начало XVI в.) вовсе не существовало армянской государственности. Северные районы Азербайджана входили в государство ширванханов, соседствующее с Шекинским ханством, причем оба эти государства в середине XVI в. были ликвидированы, а территория их оказалась включенной в Иранское государство. Армения и Азербайджан оказались поделенными между Османской империей и Ираном, причем обе стороны пытались внедрить на подвластных территориях свою форму правления [9, 364-365].

В 1614-1615 гг. шахские войска совершили поход в Дагестан, однако, не добившись успеха, вынуждены были отойти в Дербент. Шах Аббас, не смирившись с поражением, стал собирать войска для завоевания земель кумыков и кабардинцев, вознамерившись дойти до Черного моря и Крыма. В 1614 г. шах приказал шемахинскому хану Шихназару подготовить к походу 12 тыс. воинов. Персы планировали захватить русскую крепость Терки, посадить там наместника и присоединить к Шемахе и Дербенту земли кумыков. Подобные новости сильно встревожили местное население. Русские

воеводы с Терека сообщали в Москву, что на кумыкских князей и мурз нашел «великий страх» и они просят помощи у Русского царства. В Москве, узнав о планах шаха, отправили к нему грамоту, в которой потребовали, чтобы шах дружбу с Россией не рушил, «на кабардинскую и на кумыкскую землю не вступал», т.к. эти территории принадлежали русскому царю [10, 24].

В отношении Северного Кавказа шах Аббас строил стратегические замыслы. Планируя наступление, шах намеревался направить свои войска в северную часть Дагестана, пройдя из Восточной Грузии через Северную Осетию и Кабарду. При удачном стечении обстоятельств шах намеревался построить крепости на Тереке и Койсу и поселить в них свои гарнизоны. Таким образом, за Персией могла закрепиться северо-восточная часть Кавказа [8, 67].

Сунженский отрог находился в месте впадения р. Сунжа в р. Терек. Соответственно, попасть в данный район удобнее было через перевалы в Осетии.

Аббас I посулами и угрозами сумел привлечь на свою сторону одного из кабардинских князей – Мудара Алкасова, чьи владения тянулись до Дарьяльского ущелья. В 1614 г. князь ездил к шаху, вернулся с «шахскими людьми» и по приказу Аббаса перевел свои поселения на грузинскую дорогу. В его обязанность входило также строительство дороги по территории Северной Осетии. Необходимо отметить, что о строительстве дороги говорится и в исторических преданиях осетин. До сих пор остатки той дороги сохранились над селением Цамад в Алагирском ущелье, которую в народе по сей день называют «шахская дорога» (*сахнад*) [4, 122]. Дорога тянулась от Дарьяльского до Алагирского ущелья, проходя через Даргавское и Куртатинские ущелья Северной Осетии. Часть «шахской дороги» до сих пор сохранилась и в Куртатинском ущелье.

В преданиях ничего не говорится о строительстве «шахской дороги» в Мамисонском ущелье, через которое продвигалась вторая группа персидских войск из Грузии. Возможно, это произошло потому, что эта часть шахского войска не имела пушек, что не позволило им атаковать хорошо укрепленные поселения осетин. В результате проход чужеземцев через Мамисонское ущелье обошелся без столкновений с местным населением и потому не был отражен в преданиях.

Помимо дороги, строительство которой народная память приписывает именно шахским воинам и которой упоминают письменные источники, о связи исторических преданий осетин именно с Аббасом I говорит и другое свидетельство. При шахе Аббасе была сделана попытка введения единой монетной системы в государстве. Монетная единица нового чекана называлась «аббаси», она содержала 1 мискаль (4,6 г) серебра и равнялась 200 динарам. Однако установить хождение единой монеты на всей территории государства не удалось. В XVII в. в Иране, наравне с аббаси, продолжали ходить монеты разной чеканки и ценности [11, 278]. Тем интересней факт появления в осетинском языке названия 20 копеек – *абазы*, связанного, безусловно, с именем Аббаса I, хотя среди осетин до конца XVIII в. не использовались какие-либо монеты.

Причины вторжения войск шаха в Осетию нельзя, разумеется, объяснять походом на Сунженский отрог, так как

Дигория находится с противоположной от Сунжи стороны. Скорее всего, военная экспедиция шахских войск носила разведывательный характер. Целью шаха Аббаса была в первую очередь Кабарда, которая бы стала, с одной стороны, буферной зоной между Ираном и Россией, Ираном и Крымским ханством, с другой стороны – Кабарда могла выполнять роль плацдарма для нанесения удара по Крымскому ханству, активно поддерживавшего Османскую империю и соперничавшего с Ираном за контроль над всем Северным Кавказом [12, 253].

В стратегических планах шаха Аббаса по присоединению Северного Кавказа к Ирану Северная Осетия оказалась в сфере его интересов по той причине, что осетины занимали все стратегически значимые перевальные дороги, самым коротким путем ведущие из Ирана на Северный Кавказ. Однако Аббас не учел тот факт, что в горах Осетии, в отличие от Дагестана и Кабарды, еще не сформировалось феодальное государство, что не позволило Аббасу каким-либо образом влиять на господствующую элиту. Кроме того, труднодоступность мест проживания осетин, превращавших свои поселения в крепости, делала их не столь уязвимыми для завоевателей.

В то же время осетины, не сталкивавшиеся до этого со столь многочисленным войском, были настолько впечатлены этим вторжением, что пронесли в своих преданиях память об этих событиях сквозь столетия.

-
1. Мамиева И. В. Институт эпического сказительства на Северном Кавказе: универсалии и этноспецифика // Известия СОИГСИ. 2012. Вып. 8 (47). С. 61-79.
 2. Сокаева Д. В. Легенды и предания осетин: контекст традиции. Владикавказ, 2010.
 3. Гарданти М. К. Произведения. Владикавказ, 2007. (на осет. яз.).
 4. Осетинские легенды/сост. Ш. Ф. Джикаев. Орджоникидзе, 1989. (на осет. яз.).
 5. Исторические и местные сказки, легенды и сказания // Осетинские народные сказки. Цхинвали, 1962. Т. III.

6. Осетинское народное творчество/сост. З.М. Салагаева Владикавказ, 1961. Т. I. (на осет. яз.).
7. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992.
8. *Пурмозаммади Насроллах*. Политика шаха Аббаса на Северном Кавказе // Изучение центральной Евразии. 2005. № 1. С. 65-72. (на фарси).
9. *Бадак А. Н., Войнич И. Е., Волчек Н. М.* Всемирная история: Развитие государств Восточной Европы. М., 2000.
10. *Шишов А. В.* Схватка за Кавказ: XVI-XXI века. М., 2007.
11. *Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Беленицкий А. М.* История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958.
12. *Jahanbakhsh Savagheb, Ahmad Lobatfard.* Analysis of the Safavid and Ottoman's Religious Conflicts in the Caucasus (1524-1629) // Historical research. 2018. Vol 9. Iss. 4. P. 253-276. (на фарси)

Takazov, Fedar M. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS; fedar@mail.ru

Abdollahi, Mousa – Allameh Tabataba'i University (Tehran, Iran); mousaabdollahi@ut.ac.ir

SHAH ABBAS IN THE HISTORICAL LEGENDS OF THE OSSETIANS.

Keywords: *Iran, Ossetia, the North Caucasus, Shah Abbas, folklore, historical legends, Shah's road.*

Historical narratives about the invasion of the troops of the Shah of Iran to Ossetia were preserved in the oral folklore of the Ossetians. At the time of the invasion of these troops, Ossetia was not a state entity, nor was it part of any other state. Ossetia was divided into separate societies, managed via popular assemblies. According to the historical legends, the Shah's troops invaded Ossetia from two directions. One group crossed the Cross Pass and, moving through the Dargavsky and Kurtatinsky Gorges, headed for the Alagirsky Gorge. The second group crossed the Mamison Pass and, moving along the Mamison and Alagir Gorges, headed towards the Ursdon Fortress, where they reunited with the first group of troops. In the group that moved along the Dargavsky and Kurtatinsky gorges, there were wheel convoys. Since there were no wheeled roads in Ossetia at that time, the Shah's troops built roads along the way of advancement. The remains of that road have survived to the present day, called the «Shah's road» («Sakhnad») by the local population.

REFERENCES

1. Mamieva, I. V. *Institut epicheskogo skazitel'stva na Severnom Kavkaze: universalii i etnospetsifika* [Institute of Epic Storytelling in the North Caucasus: universals and ethnospecific]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2012, iss. 8 (47), pp. 61-79.
2. Sokaeva, D. V. *Legendy i predaniya osetin: kontekst traditsii* [Legends and ancient stories of Ossetians: the context of tradition]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2010. 278 p.
3. Gardanti, M. *Proizvedeniya* [Works]. Vladikavkaz, Ir, 2007. 415 p. (in Ossetian)
4. Dzhikaev, Sh.F. (comp.) *Osetinskie legendy* [Ossetian legends]. Ordzhonikidze, Ir, 1989. 498 p. (in Ossetian).
5. *Istoricheskie i mestnye skazki, legendy i skazaniya* [Historical and local tales, legends

and stories]. *Osetinskie narodnye skazki* [Ossetian folk tales]. Tskhinvali, Iryston, 1962, vol. III. 362 p.

6. Salagaeva, Z. M. (comp.) *Osetinskoe narodnoe tvorchestvo* [Ossetian folk art]. Vladikavkaz, Ir, 1961, vol. I. 719 p. (in Ossetian).

7. Miller, V.F. *Osetinskie etyudy* [Ossetian etudes]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian Studies, 1992. 716 p.

8. Purmozammadi Nasrollakh. *Politika shakha Abbasa na Severnom Kavkaze* [Shah Abbas's policy in the North Caucasus]. *Izuchenie tsentral'noy Evrazii* [Exploration of Central Eurasia]. 2005, no. 1, pp. 65-72. (in Farsi).

9. Badak, A. N., Voinich, I. E., Volchek, N.M. *Vsemirnaya istoriya: Razvitie gosudarstv Vostochnoi Evropy* [World History: The Development of Eastern European States]. Moscow, Kharvest, 2000. 592 p.

10. Shishov, A. V. *Skhvatka za Kavkaz: XVI-XXI veka* [The battle for the Caucasus: XVI-XXI centuries]. Moscow, Veche, 2007. 480 p.

11. Pigulevskaya, N. V., Yakubovsky, A. Yu., Petrushevsky, I. P., Stroeva, L. V., Belenitsky, A. M. *Istoriya Irana s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII veka* [The history of Iran from ancient times to the end of the XVIII century]. Leningrad, Leningrad State University, 1958. 392 p.

12. Jahanbakhsh Savagheb, Ahmad Lobatfard. Analysis of the Safavid and Ottoman's Religious Conflicts in the Caucasus (1524-1629). Historical research. 2018, vol. 9, iss. 4, pp. 253-276. (in Farsi)